

Записки человека долга (сборник)

Автор:

[Александр Бушков](#)

Записки человека долга (сборник)

Александр Александрович Бушков

Бушков. Непознанное

Это можно назвать фантастикой, мистикой, мифом. На худой конец, закрыв глаза, – чудом, которого никогда не было и быть не может.

Но почему же тогда в это веришь? Почему тихий, доверительный рассказ, лишенный восклицательных знаков и агрессивных убеждений, так западает в душу? Почему эти странные, с виду полностью выдуманные истории заставляют задуматься? О том, что человечество, веками изучая само себя, так и не познало той скрытной, потусторонней, непознанной ответственности за все недоброе, совершенное людьми на Земле. О том, что у каждого есть свой ангел-хранитель, которого только надо уметь разглядеть и прочувствовать нежное тепло его крыла...

Александр Александрович Бушков

Записки человека долга

© Бушков А., 2018

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2018

Великолепные гепарды

Записки человека долга

Пролог

За три дня до основных событий

Большую черную машину они оставили у поворота, где на металлическом штыре сидел расписной керамический гном, а рядом прохаживались у своих мотоциклов люди из блокер-группы. Молча шли по осеннему лесу, подняв воротники плащей, хотя дождя и ветра не было, почему-то шли гуськом, след в след, хотя тропинка была широкая.

– Сколько там людей? – не оборачиваясь, спросил тот, что шел впереди. Во рту у него была прямая трубка, и оттого вопрос прозвучал невнятно, но его поняли. Когда говорит генерал, младшие по званию, как правило, слушают очень внимательно. Тем более в такой ситуации.

– Уже человек двадцать. Местная полиция выведена из игры – я звонил их министру.

– Как по-вашему, сколько у него патронов?

– Пока выпустил семнадцать, мой генерал. Сколько осталось, никто не знает. Мы пришли, вот...

Домик был маленький, яркий, аккуратный. У крыльца стоял забрызганный грязью автомобиль с распахнутой дверцей, к нему прилипли желтые листья, и левая фара была разбита.

– Гнал как бешеный. Хорошо, Ричи не растерялся, сел ему на хвост и немедленно связался со мной.

– Начнем.

Тому, кого называли генералом, подали микрофон. Все замолчали.

– Лонер, – сказал он, и гремящее эхо улетело в чашу. – Капитан Лонер, я к вам обращаюсь!

Пуля, противно свистнув, срубила ветку высоко над их головами. Никто не пригнулся. Ветка не долетела до земли, запуталась где-то в кронах.

– Лонер!

Карабин хлестко щелкнул три раза подряд, высоко над головами людей взвихрились листья.

– Вот так и продолжается. Нужно что-то делать. По-моему, единственный выход – газовые гранаты.

– Я мог бы пойти к нему. Я уверен, он не станет в меня стрелять – все время он бьет по верху голов. Вы разрешите, генерал?

– Нет. Не стоит рисковать. Святые Себастьяны мне не нужны. Лонер, выходите, это бессмысленно!

Выстрел. Выстрел. Выстрел. И тишина.

– Ну ладно. Мы его скоро возьмем. Но скажет мне кто-нибудь, что могло так на него подействовать?

Они молчали. Сказать было нечего. Существуют люди, которые никогда, ни за что не сломаются. И все же?

– Пускать газометчиков, мой генерал? – спросил грузный человек в синем плаще.

– Подождите. Патрик, езжайте в город. Свяжитесь с Региональным, разыщите Кропачева и Некера. Некер, по-моему, в Роттердаме. Пусть немедленно высылают замену. Резерв в готовность. Подтягивайте газометчиков.

Человек в синем плаще попробовал по привычке щелкнуть каблуками, но на усыпанной листьями земле у него ничего не вышло, и он смутился.

– Лонер, – генерал снова взял микрофон, и снова пуля пробила редющую осеннюю листву. – Одно слово – что там? Хоть это сказать можете? Вы же мужчина, офицер, черт побери...

В ответ раздался вопль насмерть перепуганного человека:

– Там преисподняя!

– Внимание, газометчики пошли!

Сухо треснул еще один выстрел, показавшийся глуше тех, что были до него. Сначала никто ничего не понял, а когда поняли, к домику со всех сторон бросились люди в форме войск ООН, в штатском, в маскировочных комбинезонах. Генерал остался на месте и видел, как капитан, первым распахнувший входную дверь, вдруг с маху остановился на пороге, посмотрел себе под ноги, медленно поднял руку, снял фуражку и остался стоять так...

– Господи! – выдохнул кто-то.

Совершенно секретно. Степень А-1.

Капитан Лонер Жан-Поль (Звездочет).

Профессиональный контрразведчик. Родился в 2007 г. В июне 2032-го окончил военное училище «Статорис» (факультет контрразведки). Следователь по особо важным делам Международной Службы Безопасности ООН (управление «Дельта»). Два национальных и три международных ордена. Женат. Сын. Дочь.

День первый

- Что вы подразумеваете под конфликтом?

- Когда люди грызут друг другу глотки, - сказал он. - Вовсе не обязательно в буквальном смысле. Главное - враждующие непримиримы. Вы согласны с тем, что и будущее невозможно без конфликтов, спасибо и на том... Но вы упорно считаете, что все ограничится чинным ученым спором в каком-нибудь хрустальном амфитеатре. А я пытаюсь втолковать вам, что и через сто, двести лет конфликты так и не приобретут характера чисто словесной дуэли. Всегда будут какие-то действия - не грязные, не кровавые, но так или иначе ограничивающие возможность одного из противников бороться и дальше. Действия.

- Знаете, расскажите лучше о ваших творческих планах.

- Вы увиливаете.

- Потому что не могу с вами согласиться, - сказал я.

- Потому что вы из упрямых, - передразнил он мою интонацию. - Упрямец вы, Адам, правда, имя у вас интересное. Адам Гарт. Прекрасное имя - по нему абсолютно невозможно определить вашу национальную принадлежность. Европеоид - и точка. Идеальное имя для разведчика.

- Фамилию родителей не мы выбираем, - сказал я. - А имена родители нам дают, не спрашивая нас. И так?

- И так... Когда-то боролись с устаревшими общественными формациями. Побороли. Боролись с ядерным оружием и регулярными армиями. Разоружились. Сейчас борются с экстремистами. Я уверен, скоро одолеют и их. На дворе не Эдем еще, но далеко уже не клоака. А дальше? Вам не приходит в голову, что человечество без оружия и войн, обеспеченное хлебом и работой, стоит на пороге новых, неведомых конфликтов? Конфликтов благополучного человечества? Любой самый привлекательный образ жизни, любая общественная формация не вечны, что-то должно прийти им на смену, иначе

застой. Хотя с этим вы согласны?

- Ну да, - сказал я, щелчком отправив за борт окурочек.

- Вот. Ну а если общество встретится с конфликтами, которых мы пока и представить себе не можем? Ну, скажем, борьба сторонников космической экспансии с домоседами? Противостояние биологической и технической цивилизаций? Сторонников изменения человеческого тела с теми, кто считает наше тело вечной и незыблемой святыней? Непримируемая схватка? - Догарда прищурился. - Непримируемая.

Признаться, он мне надоел. Вскоре должен был показаться город, а я еще многого не продумал, не успел составить четкого плана действий - так, наметки, черновики. Впрочем, тут и не может быть четкого плана действий...

Догарда задумчиво курил - розовый, тугой, как дельфин, с лихой шкиперской бородкой. Он был фантастом. Очень известным и популярным не только на континенте. И потому умел играть словами, как черт - грешными душами. А я просто-напросто не умел дискутировать о будущем человечества и гипотетических путях его развития, моя специальность - сугубо злободневные, сиюминутные дела, ничего общего с социальной футурологией не имеющие.

- Вы мне не ответили, Адам.

Я очнулся и вспомнил, что меня со вчерашнего дня зовут Адам.

- Вряд ли мы переубедим друг друга, так стоит ли тратить порох? Скажите лучше, что вам понадобилось в городе?

- Посмотреть хочу, - сказал он. - Я люблю бывать там, где есть тайна. Тем более такая тайна.

В этом мы как раз не сходимся, мог бы я сказать. Я терпеть не могу шататься по всяким таинственным местам, но именно поэтому меня то и дело туда забрасывает. Точнее, забрасывают. И ничего тут не поделать, потому что другой жизни мне не надо.

Пассажиры сгрудились у правого борта и прилипли к биноклям, хотя до города оставалось еще несколько миль. Мы долго молчали. Потом к нам подошел моряк, кивнул мне и сказал:

- Попрошу приготовиться. Скоро берег.

И ушел, сверкая золотыми нашивками. Теплоход ощутимо гасил скорость. Я поднялся и стал навешивать на себя фотоаппараты и диктофоны – реквизит, черт его дери. Догарда помог мне привести в порядок перепутавшиеся ремни:

- Надеюсь, мы встретимся в городе.

- Надеюсь, – сказал я без всякого воодушевления.

Теплоход остановился на рейде. Невысокие синие волны шлепали о борт. Матросы установили трап с перилами, пассажиры расступились, и я, навьюченный аппаратурой от лучших фирм, прошел к борту под перекрестным огнем пугливых, любопытных, восторженных взглядов. Теплым напутствием прозвучал чей-то громкий шепот:

- Пропал репортер, а жалко, симпатичный...

Я оставил это без внимания, поправил ремни и шагнул на трап – увы, это были не те ремни и не тот трап. Я был единственным пассажиром, высаживавшимся в городе (Догарда собирался прилететь туда двумя днями позже), и капитан не стал заходить в порт. Вряд ли на такой шаг его толкнули одни заботы об экономии топлива. Наверняка боялся. Слухов расплодилось несметное количество, и они были настолько нелепыми, что им верили даже умные люди. Как всегда. Реликтовый мистицизм. Стоит случиться чему-то странному, и моментально расползутся дилетантские гипотезы, в ход пойдут, как водится, пришельцы с неподвижных звезд, хулиганствующие призраки тамплиеров, шаманы малоизвестных племен и дерево-людоед из девственных джунглей Борнео. А достоверной информации нет, надежных отчетов нет, серьезных исследований нет, есть только панические письма отцов города во все инстанции, вплоть до Ватикана и Красного Креста. Письма, похожие на громогласный рев заблудившегося карапуза. Исключение представляет только последнее письмо – анонимное, но не паническое, скорее загадочное, однако, безусловно, написанное нормальным человеком. И еще у нас есть самоубийство

одного и полное молчание второго – а это люди, в которых до недавнего времени никто не посмел бы усомниться. Их послужной список, их деловые качества... Они ничем не уступают, а в чем-то и превосходят человека, которого сейчас зовут Адам Гарт. Один из них даже был в свое время учителем и наставником так называемого Адама Гарта...

Уверенно застучал двигатель моторки, острый нос задрался над волнами, и голубая вода вскипела белой пеной, борт теплохода остался позади. Навстречу мне летел город – белая балюстрада набережной, яркие платья и пестрые рубашки, качающиеся на привязи яхты, стеклянные здания, большая надпись «Добро пожаловать!», выведенная белой краской на парапете, разлапистые пинии, приткнувшийся в квадратной выемке ало-голубой гидропланчик. И метеориты. Вот ты и прибыл, сказал я себе, вот ты и прибыл, Адам, только твой Эдем, похоже, полон чудовищ и прочей нечисти...

Совершенно секретно. Степень А-1.

Полковник Кропачев Антон Степанович (Голем).

Профессиональный контрразведчик. Родился в 2010 г. В 2028–2031 гг. служил в авиадесантных частях Войск ООН. В 2033 г. окончил военное училище «Статорис» (факультет контрразведки). В настоящее время – следователь Отдела кризисных ситуаций МСБ, член Коллегии МСБ. Девять национальных и пять международных орденов. Нобелевская премия мира (2039). Холост.

Моторка остановилась у широкой каменной лестницы, стукнулась бортом. Три нижние ступени лестницы были под водой, а в воде плавали апельсиновые корки, мятая пачка от сигарет и страница комикса.

Я взял чемодан и пошел вверх по лестнице. Итак, добро пожаловать. Мир входящему. Будем надеяться, что и уходящему тоже...

Поднявшись на уровень земли, я поставил чемодан и огляделся. Тут же кто-то за моей спиной спросил:

– Приезжий?

Я медленно обернулся. Передо мной стоял крупный мужчина в белом костюме и фуражке с затейливым гербом какого-то яхт-клуба. Тонем профессионального гида он спросил:

– Памятные места, достопримечательности, древности?

– Специализируетесь?

– Специализировался, – сказал он. – Экскурсионные прогулки, морские и по городу. Автобусы, моторки. Ныне архимертвый сезон. Один трактир остался. Туристы отхлынули, и грех их за это винить...

Он посмотрел в небо, голубое, безоблачное, исчерканное во всех направлениях дымными полосами. Метеориты падали и падали, безостановочно, как на конвейере, сгорали над крышами, распадались пылающей пылью, сыпались, как зерно из распоротого мешка, и не было им числа, и не было им конца. Каждую секунду метеорит. Может быть, чаще. Небо напоминало паучью сеть, раскинутую над городом. Правда, паучья сеть красивее.

– Время бросать камни... – сказал он. – И хоть бы один на землю упал.

– Да, впечатляет, – сказал я. – Словно небо взбесилось.

– Скажите лучше преисподняя.

– Преисподняя вроде бы располагается в подземельях, – сказал я. – А здесь – небо...

– Так как насчет достопримечательностей?

– Понимаете, я ведь приехал сюда работать. Из-за границы. «Географический еженедельник». Международный журнал, редакция в Женеве.

– Не слышал...

– Больше узкопрофессиональный, чем развлекательный и научно-популярный, – сказал я. – Мало кто знает.

– Может, это и к лучшему, что узкопрофессиональный, – сказал он. – Потому что обычные заезжие журналисты суют нас под одну рубрику с двухговыми телятами и очевидцами приземления летающих тарелок. Правда, до вас уже был один такой – тоже с самыми серьезными намерениями, узкопрофессиональный и близкий к кругам.

– И что?

– И ничего, – сказал он. – В первые дни развил бурную деятельность, а теперь просиживает штаны в моем кабаке. Вроде бы мне это только на руку – хороший клиент, бочку уже выпил, наверное. А с другой стороны, обидно – очень уж деловым показался сначала, а теперь забыл и о делах, и о своем Стокгольме (услышав про Стокгольм, я наострил уши). Когда только с него отчет потребуют? Или в ваших международных журналах такое поведение в порядке вещей?

– Да нет, – сказал я. – Он что, тоже из международного?

– Да. Какая-то «Панорама». Лео Некер. Не слышали?

– Нет. А вашим любезным предложением насчет достопримечательностей, быть может, и воспользуюсь. Где вас найти?

– Бар «Волшебный колодец», – сказал он. – После пяти всегда открыто. Милости просим. Меня зовут Жером Пентанер.

– Адам Гарт.

Он кивнул мне и вразвалочку пошел вдоль парапета. Я увидел условленную скамейку, сел, достал из кармана магнитофон и вставил первую попавшуюся кассету. Наконец-то появился мой человек.

– Здравствуйте, – сказал он. – Я Зипперлейн.

– Присаживайтесь, – сказал я после обмена ритуальными словесами пароля. – Антон Кропачев.

– Тот самый?

– Тот самый.

Он сел, тихонько побряхтывая по-стариковски. Ему было под шестьдесят, седой, худощавый, похожий на коршуна. Несмотря на теплую погоду, он напялил синий плащ и застегнул его на все пуговицы. Некоторые на него оглядывались.

– Вам не жарко?

– Представьте, нет. Почему-то все время зябну. Может быть, это от нервов, как вы думаете? (Я пожал плечами.) Черт его знает... Опоздал вот, что совершенно недопустимо. Пойдемте, машина у меня за углом. Мы сняли для вас номер. Собственно, можно было и не заказывать, половина отелей пустует, да уж положено так... Что вам еще нужно? Машина?

– Пока что нет. Я хочу сначала осмотреться сам, чтобы не зависеть от чьих-то суждений и мнений, которые наверняка ошибочны – ведь никто ничего не знает точно. И номер в гостинице меня, откровенно говоря, не устраивает. Нельзя ли поселить меня под благовидным предлогом в частном доме, где есть... как вы их зовете?

– Ретцелькинды, – сказал он. – По аналогии с вундеркиндами. Ретцелькинд – загадочный ребенок. Кажется, термин неточный, на немецкий переведено плохо, да так уж привилось...

– Странный термин.

– Потому что вы слышите его впервые.

– Вы правы, – сказал я. – Итак? Между прочим, вас должны были предупредить о возможном варианте «частный дом».

Он думал, глядя перед собой. Над крышами безостановочно вспыхивали метеориты, и это производило впечатление, а в первые минуты даже ошеломляло.

- Есть вариант, - сказал Зипперлейн. - Подруга моей племянницы, очень милая и понимающая женщина. Сын шести лет, муж погиб.

- Прекрасно, - сказал я. - Теперь объясните мне, бога ради, что происходит с Некером? Почему о том, что он пьянствует, и, судя по всему, беспробудно, я узнаю от первого встречного? И, между прочим, мне очень не понравилось, что я узнал о нем от первого встречного, - что-то я не верю в такие случайности...

- Да? А от кого?

Я сказал.

- Ну, это вы зря. Пентанер - человек приличный. Просто работа у него такая - встречать приезжающих. Вот вам и случайность. А что до Некера... Откуда мы знаем, игра это или он действительно бросил дела и пьянствует? Я не могу поверить...

- Резонно, - сказал я. - Простите. Я знаю Некера четырнадцать лет и потому не могу поверить... Правда, я о Лонере помню. Зипперлейн, у вас есть дети?

- Моим уже за тридцать.

- Наверное, следовало спросить о внуках...

- Один внук пяти лет.

- И?

- Да, - сказал он. - Ретцелькинд.

- И что вы обо всем этом думаете?

– Я боюсь. Бояться вроде бы стыдно, но я боюсь.

– Понимаю.

– Ничего вы не понимаете, – сказал он. – Извините, полковник, но чтобы понять нас, нужно побывать в нашей шкуре. У меня почти тридцатилетний стаж, четыре ордена и четыре раны, но сейчас я боюсь – до боли, до дрожи. Вы представляете себе, что это такое – жить в городе, который вот уже третий месяц бомбардируют, кажется, все метеориты Солнечной системы? А ночью – северные сияния, миражи. Да-да, даже миражи ночью бывают... И еще многое. Любое из этих явлений природы имеет свое материалистическое, научное объяснение, но ни один ученый не может объяснить, почему все это сплелось в тугий узел именно здесь. А ведь метеориты и прочие оптические явления – лишь верхушка айсберга, безобидные декорации сцены, где разыгрываются кошмары... Да, мы боимся.

– Вы можете кратко объяснить, что происходит с детьми?

– У вас у самого есть дети?

– Нет.

– Плохо, – сказал он. – Будь у вас дети, вы быстрее поняли бы. Дело в том, что наши дети, я имею в виду ретцелькиндов, словно бы и не дети. Вот вам и квинтэссенция. Словно бы они и не дети.

– Преждевременная взрослость? Вундеркинды?

– Да нет же, – досадливо поморщился Зипперлейн. – Вот видите, вы не поняли. Вундеркинды – это совсем другое. Пятилетние поэты, шестилетние математики, семилетние авторы поправок к теории относительности вписаны в наш обычный мир, вписаны в человечество, если можно так выразиться. Ретцелькинды другие. Словно среди нас живут марсиане – со своими идеями, со своей системой ценностей и стремлениями, о которых мы ничегошеньки не знаем и не можем узнать, потому что они с нами об этом не говорят. Ну не могу я объяснить! Речь идет о явлении, для которого нет терминов, потому что ничего подобного прежде не случалось. Вы только поймите меня правильно...

- Понимаю, - сказал я. - Пойдемте.

Зипперлейновская малолитражка была старомодная, опрятная и подтянутая, как старый заслуженный боцман перед адмиральским смотром. Мы уселись.

- Что мне сказать Анне? - спросил Зипперлейн.

- Моя будущая хозяйка?

- Да.

- А вы чистую правду говорите, - сказал я. - Приехал человек из столицы, хочет разобраться в ситуации.

- Что делать с Некером?

- Ничего, - сказал я. - Мы с вами оба ниже его по званию, его полномочий никто не отменял. Пока мы не убедимся, что дело неладно...

- Вы не допускаете, что он мог докопаться до сути?

- Еще как, - сказал я. - Это Некер. Это сам Роланд. Вполне возможно, что в вашем городе есть и другие люди, докопавшиеся до сути. Вопрос первый: если они есть, почему молчат? Вопрос второй: почему Некер, если ему удалось докопаться до сути, ударился в загул?

- Может быть, на него так подействовала истина.

- Стоп, комиссар, - сказал я. - Я не знаю истины, способной выбить из колеи Лео Некера. Нет таких истин, не было и не будет. Если бы вы знали его так, как знаю я, подобные мысли автоматически показались бы вам галиматьей и ересью низшего пошиба. Это один из моих учителей, это один из тех, кто являет собой легенду Конторы, мифологию внутреннего употребления...

- Вам виднее, - сказал он. - Я всего лишь полицейский. Однако при столкновении с чем-то качественно новым прежние критерии могут оказаться устаревшими...

– Как знать, как знать, – отделался я универсальной репликой.

Зипперлейн неожиданно затормозил, и я едва не вмазался носом в стекло.

– Совсем забыл. – Он виновато почесал затылок. – Дальше – только для пешеходов. Можно в объезд. Или пройдемся? Всего три квартала.

– Давайте пройдемся, – сказал я. – Как два перипатетика.

Я взял чемодан, Зипперлейн запер машину, и мы тронулись. Голуби, разгуливавшие по мостовой, недовольно расступались перед нашими ботинками. Настроение у меня портилось. Когда впереди показался броневик, оно упало едва ли не до абсолютного нуля.

Видимо, запрет автомобильного движения на броневик не распространялся. Он стоял у кромки тротуара, высокий, зеленый, на толстых рубчатых колесах, чистенький, словно только что вышедший из ворот завода. На броне у башенки сидел сержант и что-то лениво бубнил в микрофон, двое солдат в лазоревых касках стояли у колес, держа свои автоматы, как палки, и откровенно скучали. Здоровенные такие румяные блондины, от них за версту несло фиордами, набережной Лангелиние, Андерсенем и троллями. Мимо, обогнав нас с Зипперлейном, прошла девушка в коротком желтом платье, и потомки Эйрика Рыжего синхронно повернули головы ей вслед.

Мы миновали броневик, и я увидел их четвертого, лейтенанта, он стоял вполоборота к нам, смотрел на противоположную сторону улицы, и его расслабленная фигура была исполнена той же безнадежной скуки. Я взглянул на него пристальнее и тут же отвел глаза. Хорошо, что Зипперлейн заслонял меня.

Совершенно секретно. Степень А-1.

Полковник Конрад Чавдар. Родился в 2008 г. В 2026–2029 гг. служил в авиадесантных частях Войск ООН. В 2031-м окончил военное училище «Статорис» (факультет общевойскового командования). В настоящее время – командир полка специального назначения «Маугли». Четыре международных и три национальных ордена. Женат. Сын.

Теперь прибавились дополнительные загадки. Конрад, я знаю, скромный человек, но не настолько, чтобы на операции переодеться в форму обычной бронепехоты с погонами младшего по званию. Следовательно... Следовательно, экипаж этого броневика весьма квалифицированно валяет ваньку, изображая скучающих новобранцев. А на самом деле это полк «Маугли», профессионалы, элитная ударная группа по борьбе с терроризмом. От страха их сюда послали, что ли? Совет Безопасности напуган здешними чудесами, и потому... Или назревает что-то серьезное?

– В городе все спокойно? – спросил я. – Нет, я не о ретцелькиндах. В других отношениях.

– Кажется, спокойно.

Черт бы тебя побрал, выругался я про себя, ты что, не помнишь, какие люди сворачивали себе шею из-за того, что лишний раз произнесли или подумали слово «кажется», очень уж положились на его обманчивую гибкость?

– Как вы носите пистолет, Зипперлейн?

– Как большинство – в «петле». Но чаще не ношу. Я уже пожилой человек...

– А вы, часом, не фаталист?

– А вы?

– Когда как, – сказал я чистую правду.

– Этот город способен сделать вас фаталистом.

– Ну да, – сказал я. – За день выпадает уйма метеоритов, и ни один еще не упал кому-нибудь на голову. Это убеждает.

– Вы злитесь?

– Честное слово, не на вас, – сказал я. – Вы же умный человек, комиссар. Я немножко злюсь на людей, которые далеко отсюда. Ради чистоты эксперимента меня сунули сюда, абсолютно не проинформировав. Я все понимаю, метод «контрольный след» сплошь и рядом дает неплохие результаты, но могу я выругаться хотя бы мысленно?

– Да... – сказал он. – Что я еще могу для вас сделать?

– Оставьте на почтамте мой адрес. Вот, пожалуй, и все. Разве что... Вы меня не проинструктируете?

– Инструктаж уместится в одной фразе, – сказал он. – Ничему не удивляйтесь. Если станете удивляться, можете наделать глупостей. Что бы с вами ни случилось, помните одно – это не галлюцинации, вы абсолютно здоровы.

– Прекрасный инструктаж. Едва ли не лучший из всех, какие я за свою службу получал... Нет, серьезно.

– Вот именно. Ничему не удивляйтесь. Возможно все, что угодно. Но это не опасно для жизни и здоровья. По крайней мере не было прецедентов... Все, мы пришли.

Посреди большого сада стоял красный кирпичный домик под черепичной крышей.

– Зипперлейн, вы волшебник, – сказал я. – Жилище Белоснежки. Идиллия и благодать. Хочется ходить по траве босиком и верить, что на свете существуют свободное время и нормированный рабочий день...

Хозяйка вышла нам навстречу, когда мы подошли к крыльцу. Жаль, что я не Дон Жуан. Ей было лет двадцать шесть – двадцать восемь. Светлые волосы, серые глаза. Голубое платье ей очень шло.

Зипперлейн отозвал ее в сторонку, вполголоса изложил дело, и хозяйка охотно согласилась меня приютить – с большим энтузиазмом, как мне показалось. Потом Зипперлейн откланялся, а я остался. Стоял на нижней ступеньке крыльца, хозяйка, которую звали Анной, – на верхней. Оба обдумывали, с чего начать

разговор.

- Показать вам комнату? – спросила она наконец.

- Если вас не затруднит.

Комната мне понравилась, как и дом. Я поставил в угол чемодан и посмотрел на Анну. Она мучительно искала слова.

- Так, – сказал я. – Все никак не можете решить, как со мной держаться, верно?

- Верно, – ответила она с бледной улыбкой. – Вы из того же ведомства, что и Зипперлейн, или серьезнее?

- Серьезнее.

- Судя по возрасту, капитан или майор?

- Полковник.

- О, даже так... Понимаете, Адам, лично я была далека от таких дел, но есть обстоятельства... Хотя вы, наверное, никакой не Адам...

- Разумеется. Но какой-то отрезок времени мне предстоит быть Адамом Гартом, так что так и зовите. И помните, что я чертовски любознателен – не по складу характера, а по профессии мне все нужно знать и всюду совать нос. Можно я буду иногда задавать вам вопросы?

- Можно.

- Я вам не помешал своим вторжением? Ну, скажем, устоявшиеся привычки, личная жизнь? Только откровенно.

- Может быть, так даже лучше, – тихо сказала красивая женщина Анна, не поднимая глаз, и мне не понравились надрывные нотки в ее голосе. – Вы будете часто уходить из дому?

- Наверное.

- Вечерами тоже?

- Скорее всего. Вам нужно, чтобы вечерами меня здесь не было?

- Наоборот. Я... Вчера... Зипперлейн – пожилой человек, полицейский с большим стажем, у него есть оружие, так что вечера его не пугают и он бы меня не понял... А может, и понял бы...

- Вы, главное, не волнуйтесь. – Я осторожно взял ее тонкие теплые пальцы, она заглянула мне в глаза, и этот взгляд не понравился еще больше – я понял, что только огромным усилием воли она удерживается от того, чтобы не броситься мне на шею, прижаться и зарыдать в голос. Плевать, что она видит меня впервые – ей необходимо выплакаться первому встречному. Интересные дела, надо же довести человека до такого состояния...

- Так, – сказал я. – Вы хотите сказать, что вечерами здесь полезно иметь при себе оружие?

- Нет, вы не поняли, – она поколебалась, потом решительно закончила: – Мне страшно сидеть дома вечерами. Одной.

- Почему одной? У вас же есть сын.

- Мы сами не знаем, есть ли у нас дети...

- Ах, вот как, – сказал я, чтобы только не молчать.

- Не подумайте, ради бога, что я сошла с ума... Потом вы поймете, вы очень быстро все поймете...

Хочется верить, подумал я. Пожалуй, сейчас ее вполне можно принять за истеричку, страдающую манией преследования. Но в этом городе с его головоломками нужно забыть привычные штампы. Над ее страхами как-то не хочется смеяться – не испугаться бы чего-нибудь самому, ведь даже с самыми бесстрашными здесь происходят пугающие метаморфозы. Я читал донесения

Лонера и не мог поверить, что их написал Звездочет. А потом он вдобавок... Я слушал, что говорят о Некере, и не мог поверить, что это о Роланде говорят...

- Вы считаете, что я не в себе? - спросила она напрямик, не отнимая руки.

- Ну что вы. Вы очень красивая, очень милая, вы мне кажетесь абсолютно нормальной, только сильно напуганной. - Я смотрел ей в глаза, старался говорить убедительнее. - Успокойтесь, ради бога. У вас теперь полковник в доме, сам кого хочешь напугает, так что ему ваши страхи? Он и с ними разделается. Знаете, мне дали хороший совет, и я намерен ему следовать - ничему не удивляться. Поможет, как думаете?

- Не знаю... Вы тактичный человек.

- Иногда, вне службы.

- Вы даже не спросили, чего я боюсь.

- Потому что я, кажется, догадываюсь, кого...

- Вот видите. Страшно, да?

- Возможно...

- У вас есть дети?

- Господи, откуда...

- Тогда вы не поймете.

- Я могу понять, что это страшно. Насколько это страшно, я пока понять не могу...

Она отняла руку:

- Я пойду. Вы хотите есть?

– Честно говоря, не отказался бы.

– Я накрою стол на веранде. Приходите минут через десять.

Она вышла, тихо притворив за собой дверь. Я расстегнул чемодан и стал устраиваться. Достал пистолет из футляра, имитирующего толстую книгу с завлекательным названием «Фонетические особенности южнотохарских наречий» и задумался: нужен он или пока что нет? Остановился на компромиссе – вставил обойму и засунул пистолет под подушку. В соответствии с традициями жанра. Потом в соответствии с традициями собственных привычек закурил, включил телевизор и сел в кресло.

Сквозь клубы дыма неслись конники в треуголках. Взблескивали палаши, падали под копыта знамена, палили пушки. Одни побеждали, другие деморализованно драпали, и их рубили. Кто кого – абсолютно непонятно.

Итак? Строго говоря, любая операция может считаться начавшейся только тогда, когда ты начинаешь думать над собранной информацией. А информации у меня и нет. Появление Чавдара и его обряженных в обычную пехоту ювелиров можно объяснить просто – в городе есть некоторое количество элементов, которых нужно обезвредить. Очередная банда.

С ретцелькиндами – полный туман. Сакраментальная проблема «отцов и детей», судя по всему, выступает в качественно новом обличье. Детей просто боятся. Анна боится вечерами оставаться в обществе собственного сына. Чего-то боится Зипперлейн, комиссар полиции с тридцатилетним стажем. А чего следует бояться мне? Наверняка есть что-то, чего мне следует бояться...

Так ничего и не придумав, я вышел на веранду. Анна сидела за столиком, накрытым для вечернего чая, а в глубине сада, возле клумбы с пионами, возился светловолосый мальчишка лет шести. Я охотно поговорил бы с ним, но не знал, с чего начать – у меня не было никакого опыта общения с детьми, я понятия не имел, как подступать к этим маленьким человечкам. Между прочим, эти самые детки, детишки, херувимчики розовощекие сумели каким-то образом напугать Лонера – до сумасшествия и самоубийства...

Я сел. Анна налила мне кофе в пузатенькую чашку и пододвинула печенье.

– Вам понравился наш город?

Чтоб ему провалиться, подумал я и сказал:

– Красивый город. И сад у вас красивый. Сами ухаживаете?

– Сама. Вы любите цветы?

– Как сказать... – пожал я плечами.

Наверное, все-таки не люблю. Не за что. С цветами я, как правило, сталкиваюсь, когда их в виде венков и букетов кладут на могилы. Возлагают. В жизни таких, как я, цветам отведена строго определенная роль. За что же их, спрашивается, любить, если они всегда знак утраты и скорби?

– Хотите еще печенья? – спросила Анна, когда разговор о цветах безнадежно забуксовал.

– Хочу, – сказал я, обернулся и перехватил ее взгляд – беззвучный вопль.

Обернулся туда и сам едва не закричал. Мальчишка стоял у дерева метрах в десяти от веранды, и к нему ползла змея, голубой кронтан, ядовитая тварь была уже на дорожке, на желтом песке, в метре от ног ребенка, а он не двигался, хотя прекрасно видел ее и мог убежать. Голубая тугая лента медленно и бесшумно струилась, раздвигая тоненькие стебельки пионов, мой пистолет остался в комнате, ребенок застыл, Анна застыла, застыл весь мир...

Я метнул пику для льда, каким-то чудом оказавшуюся на столе. Перемахнул через перила, в два прыжка достиг дорожки, и голова приколотой к земле змеи хрустнула под моим каблуком.

– Что же ты, малыш... – Я наклонился к нему, хотел что-то сказать, но натолкнулся на его взгляд, как на стеклянную стену, как на выстрел.

Зипперлейн был прав. Они другие, и словами этого не выразить. Мне положено разбираться в любых чувствах, которые могут выражать глаза человека, но сейчас я не мог перевести свои ощущения в слова.

Можно сказать, что он смотрел презрительно. Или свысока. Или равнодушно, как на досадную помеху. Или злобно. Или сожалел о том, что я сделал. Каждое из этих слов имело свой смысл и было бы уместно при других обстоятельствах, но здесь все слова, вместе взятые и в отдельности, не стоили ничего. Они не годились для описания его взгляда. Всего моего опыта хватало только на то, чтобы понять: я сделал что-то абсолютно ненужное, и маленький человечек отменяет меня, не собирается разговаривать, что-то объяснять. Что он другой. Что между нами – стена.

Я оглянулся – Анна сидела на прежнем месте, она даже не смотрела в нашу сторону. Она его боялась и не могла найти с ним общего языка, но вряд ли от этих невзгод она стала столь бессердечной, что не сказала ни слова, не подошла к сыну, только что избежавшему укуса ядовитой змеи. Стало быть, она с самого начала знала, что никакой опасности нет...

Мальчишка прошел мимо меня, как мимо пустого места, присел на корточки над неподвижной змеей. Я отвернулся, чувствуя себя лишним, бессильным, напрочь опозорившимся. И тихонечко побрел обратно на веранду.

Анна убирала со стола.

– Вам не нужно было этого делать... – тихо сказала она.

– Ну откуда я знал? – так же тихо ответил я. – Значит, и это...

– И это тоже.

– Анна, можно мне посмотреть его комнату?

Ей очень хотелось послать меня ко всем чертям, но она понимала, что не во мне дело.

– Господи, сделайте что угодно... Там, направо.

Я проскользнул в дом. Конечно, вот эта дверь, разрисованная забавными зверюшками и героями мультфильмов. Детская изумила меня спартанской простотой. Маленькая кровать, желтый шкафчик, низенький столик – и больше

ничего. Никаких книг, никаких игрушек. На столе рассыпаны цветные карандаши, лежат несколько листов белой бумаги. На одном – рисунок.

Ничего похожего на неуверенную детскую мазню. Четкими штрихами изображено что-то непонятное, не имеющее смысла – для меня, но не для художника. Полное впечатление осмысленного законченного рисунка. Дом? Возможно. Несколько домов, нарисованных один поверх другого – в разных ракурсах, с разных точек зрения.

Я поворачивал рисунок так и этак. Да, дом, как-то уродливо распластанный в одной плоскости, деформированный. В живописи я профан, но, сдается мне, нечто подобное видел у нынешних полисенсуалистов – луг, каким его видит жаба, Галактика, какой ее видит несущийся со сверхсветовой скоростью пьяный андромедянин...

Оглядываясь на дверь и ежась от стыда, я аккуратно сложил рисунок вчетверо и спрятал в бумажник. Прекрасное начало, первое вещественное доказательство – украденный из комнаты шестилетнего пацана рисунок...

Я взглянул на часы и стал собираться. Надел другую рубашку, сменил галстук на более легкомысленный. Пистолет оставил под подушкой. И отправился искать Некера.

Прохожие проявляли полное пренебрежение к сгорающим над крышами метеоритам – притерпелись, надо думать. На их месте я бы тоже, наверное, притерпелся. Немного поплутав, я добрался до бара «Волшебный колодец» и вошел. Очень большая комната со всеми атрибутами мини-заведения – стойка с высокими табуретами, мюзикбокс в углу, два десятка столиков, шеренга игровых автоматов, телевизор над стойкой. Тысячи таких заведений-крохотулечек кое-как существуют от Куала-Лумпура до Баффиновой земли, и, как правило, каждый старается обзавестись чем-то особенным, неповторимым – то доспехи средневекового рыцаря, тысячу лет назад с пьяных глаз угодившего в болото и извлеченного при муниципальных работах, то африканские маски в южноамериканских барах или южноамериканские индейские вышивки в барах африканских, то (своими глазами видел в Лахоре) обломок летающей тарелки, взорвавшейся по неизвестной причине прямехонько над домом владельца бара. Здесь функцию раритета исполнял громадный засушенный осьминог – морская тематика, как и положено в портовом городе. Рядом висела табличка, возвещавшая, что этот самый кракен, прежде чем был загарпунен, утащил в

пучину трех боцманов, одного штурмана и откусил руль у канонерки. Со времен своих славных подвигов кракен неимоверно усох...

Я пробрался к стойке и попытался привлечь внимание игравшего миксерами Жерома. Привлек. Взял бокал гимлета и ушел на облюбованное свободное местечко в углу. Столик попался тихий. Двое юных влюбленных переплели пальцы под столом. Как некий контраст тут же примостился старик: худой, весь какой-то высохший, подобно легендарному кракену, он обхватил полупрозрачными ладонями стакан с чем-то желтым и поклевывал носом.

Я поставил бокал на столик. От этого звука Мафусаил вздрогнул и пробудился.

- Ваше здоровье, - сказал я.

- Прозит, - сказал он.

Мы отхлебнули и помолчали.

- Он умер, - сказал старик.

- Кто? - вежливо поинтересовался я.

- Рольф Штайнвальд.

- А...

- Вот так. И за ним пришла та, что приходит за всеми людьми. Пришла, увы, с опозданием на сотню лет. Рольф Штайнвальд, ста двадцати четырех лет от роду, был личностью в своем роде уникальной - последний доживший до наших дней эсэсовец. Дивизия «Викинг». Свое давно отсидел, но оказался столь крепким, что, казалось, сам дух Черного корпуса упорно держит на этом свете свое последнее вещественное воплощение. Лет десять назад экс-оберштурмфюрер впал в старческий маразм и с тех пор строил на своем дворе оружие возмездия «Фау-3», используя в качестве основных деталей консервные банки и прочий бытовой хлам. Соседские мальчишки сооружение разваливали, он снова строил. А теперь вот подох, не достроив.

– Это эпоха, – сказал мне старик. – Вы понимаете, целая эпоха ушла. Если подумать, весь XX век. Я все это видел, понимаете? Берлин. Бабельсберг. Мюнхен. Не растерзанный союзной авиацией Мюнхен, а олимпийский, тридцать шестого года. Вы знаете, что фюрер учредил особую медаль для немецких победителей Игр? Вы представляете, как это выглядит, когда звучит команда «марш!» и шеренга с размаху опускает сапоги на булыжную мостовую?

– И еще Дахау, – сказал я.

– Что? – Он подумал, припоминая. – Ах, да... Дахау и еще этот, как его... ну, вы лучше помните. Печи. Кого-то там сожгли, говорят, некоторые были учеными, что-то такое изобрели, чуть ли не эпохальное... Печально. Я все понимаю – были издержки, как у любого политического движения. Может быть, не следовало их так уж... чересчур. Может быть, не стоило сотрудничать с сионистами, а и их вешать. Но, молодой человек, если бы вы видели, как это было красиво! Факельные шествия – ночь, маленький живой огонь факелов, колышущиеся тени, и тысячи людей в едином порыве... Форма. Человек в форме никогда не чувствует себя одиноким, ущербным, он всегда в рядах, с кем-то, частица могучего целого. Где это теперь? Войска ООН? Семенная вытяжка, пародия на армию и строй, оперетка...

Он горько покривился и обеими руками поднял к губам стакан. Этих динозавров остались считанные единицы – развитая геронтология, высокий уровень медицины... может, еще и яростное желание жить, сохраниться, быть? Они единодушно отреклись от ушедшей идеологии, все воевали на Западном фронте, если собеседник был с востока, и на Восточном – если собеседник был с запада. Но все поголовно и навзрыд сожалели о порядке и братской сплоченности, чьим символом были мундир, френч, китель...

– Вот и ваш Некер появился, – сказал бесшумно подошедший хозяин.

Совершенно секретно. Экспресс-информация. Допуск А-О. Генерал-майор Некер Лео-Антуан (Роланд). Родился в 1984 г., Сорбонна, военное училище «Статорис» (командно-штабной факультет). Имеет ученую степень магистра, автор ряда работ по международному праву в области взаимоотношений транснациональной контрразведывательной службы ООН с национальными правительствами. В настоящее время – начальник Отдела кризисных ситуаций

Коллегии МСБ, член Коллегии МСБ, заместитель начальника регионального управления МСБ «Дельта». Четыре международных и шесть национальных наград. Женат. Сын. Дочь.

Я обернулся – откровенно, не маскируясь. Некер сидел у входа. Это был он и не он. Крупная фигура, густые усы, мужественное лицо стареющего военного – импозантный моложавый джентльмен с фамильного портрета викторианских времен. Но я хорошо его знал и видел, что он стал другим. Полное впечатление надломленности, безвольности, и это не игра. Он на самом деле сломлен.

Во времена оны Роланд был для меня учителем, недостижимым эталоном и господом богом, да и потом, поднабравшись опыта, я смотрел на него снизу вверх – право же, он заслуживал такого взгляда. Что же делает с людьми этот проклятый город и как он этого добивается? По спине у меня побежали мурашки при мысли – что, если то же суждено и мне? Поток, неотвратимо затягивающий в омут... Но должен же кто-то прервать череду необъяснимых падений, по сути, предательств?

Я подошел к нему и сел напротив. Он равнодушно поднял голову. А потом узнал меня.

– Здравствуйте, генерал, – сказал я. – В Центре беспокоятся, куда это вы запропалились.

– Меня всегда можно найти в этом милом заведении, – сказал он. – От и до. Сажу и пью. Омерзительное занятие, знаете ли. Я все жду, когда начнется белая горячка и я с превеликой радостью лишусь рассудка, но горячка никак не приходит...

– Что с вами?

– Информация, – сказал он. – Я ведь был хорошим сыщиком, верно? А теперь получил информацию, которую человеческий мозг – или по крайней мере мой мозг – переварить не в состоянии.

– Вы докопались? – спросил я.

- Да.

- И что вы знаете касаясь здешних странностей?

- Наверное, все, что нужно знать, - сказал он. - Но вам я не собираюсь ничего говорить. Поймите, вы сами должны... Речь идет о ситуации, где все наши условности и установления не имеют никакого значения. Представьте, что на заселенный негуманоидами Марс попадает земной ботаник и с точки зрения ботаники пытается рассудить тамошние политические или научно-технические споры. Представьте, что неграмотный филиппинский рыбак отправлен разбираться в склоках и сложностях дублинской дирижаблестроительной фирмы. Я о нас с вами. Профессиональные контрразведчики пытаются стать судьями в деле, которое требует других судей... или вообще не нуждается в судьях. Я говорю загадками, да? Но вы должны сами до всего докопаться.

- И тогда? - спросил я.

- А вот тогда-то начнется самое интересное и сложное... Нужно будет сделать выбор, принять решение. Я его принять не смог, в чем честно признаюсь. Я думал, что знаю все о добре и зле, все о жизни и своем месте в ней. Но... Я не могу сделать выбор. Страшнее всего как раз эта неспособность принять решение...

- Кто такой Регар? - спросил я резко.

- Тот человек, на месте которого я хотел бы быть.

- Лонер настаивал, что это враг.

- Значит, Лонер ничего не понял. - Он глянул мне в глаза. - Голем, надеюсь, ты понимаешь, что взять меня будет довольно трудно? Или ты здесь со своими мальчиками?

- Я здесь один, - сказал я. - И у меня нет приказа вас брать. Получи я приказ, я бы это сделал. Пусть даже один. Но мне всего лишь поручено разыскать вас. Я вас нашел. И говорю вам - за вас беспокоятся. Лучше бы вам поехать в Центр.

– Учту. Знаешь, что хуже всего? Прекрасно понимаешь, что с тобой происходит... Прощай. Желаю оказаться счастливее.

Он встал, поклонился коротким офицерским поклоном, бросил на столик мятую банкноту и пошел к выходу. Я остался один. Может быть, где-то в городе есть страшная пасть, которая одного за другим глотает наших людей и выплевывает подменышей, безмозглых и безвольных двойников? Нет. Глупости. Есть информация. Истина. Знание, которое то пугает людей до смерти, то погружает в протрацию...

– Скучаете? – раздался рядом девичий голосок.

Я поднял глаза от исцарапанной пластиковой крышки столика. Блондинка. Лет двадцати. Фланелевые брючки, белая безрукавка. На девицу определенной профессии из портового города явно не походит. На посадку мелких грабителей тоже. Милая девочка, которой скучно. Или милая девочка, которая играет милую девочку, которой скучно.

– Скучаете? – повторила она.

– Скучаю, – сказал я. – Вы, как я понимаю, тоже? Что будете пить?

– Все равно.

Я отправился к стойке.

– Что вам налить? – спросил Жером.

– Да хотя бы гимлет, – сказал я. – Думаю, дама согласится.

– Между прочим, девчонка не какая-то там, так что учтите.

– Учту, – пообещал я. – Из приличной семьи, а?

– Из очень приличной. Как ваша работа?

– Работаю помаленьку.

– То-то что помаленьку.

– А поспешишь – людей насмешишь, – сказал я.

Вернулся к своей незнакомке и преподнес ей бокал. Незнакомка пригубила, не сводя с меня глаз. Интересно, к чему милой девочке из очень приличной семьи шататься по вечернему кабаку не самого высшего разряда?

– У вас красивые глаза, – сказал я. – Коралловые губки. И вообще вы прелесть.

– Вы уже теряете голову?

– И заодно способность соображать, – сказал я. – Никак не могу сообразить, чем привлек ваше внимание.

– Мне же скучно, – напомнила она.

– Аргумент веский. Кто вы?

– Это уже не по правилам, – засмеялась она. – Я могу оказаться... ну, хотя бы шведской принцессой.

– Ваше высочество, – сказал я почтительно, – но я-то могу оказаться Синей Бородой или людоедом. Не боитесь?

– Нет. Вы на негодя не похожи. Я разбираюсь в людях.

Родная, мысленно воззвал я к ней, знала бы ты, какие люди отправлялись в Края Великого Маниту как раз оттого, что переоценили свое умение разбираться в людях...

– Ну, если не похож... – сказал я. – Позволительно ли мне будет, ваше высочество, узнать ваше имя?

– Алиса.

– Адам. Журналист. Буду писать о ваших чудесах и странностях. Меня послали, потому что я страшно люблю загадки.

– Загадки... – протянула она с непонятной интонацией. – Вы давно в городе?

– Сегодня приехал. Что у вас обычно показывают туристам?

– Я вам покажу Могилу Льва, – сказала Алиса. – Это...

– Я знаю.

– А посмотреть хотите?

Ситуация создалась странная. Шла явная игра, мы оба понимали, что идет игра, понимали, что другой это чувствует... Но это же прекрасно, что началась игра, что на меня кто-то вышел! И я сказал:

– Хочу.

– Тогда идемте, – сказала она.

У нее был мотороллер, старенький, но резвый. Вела она быстро и умело. Мы промчались по ночным улицам, пронизанным многоцветием неона, метеориты огненными росчерками проносились над крышами и сгорали, таяли. Казалось, на небе нет уже половины звезд – они осыпались роем осколков, пригоршнями раскаленной пыли.

Город остался позади, за нашими спинами, дорога шла в гору. В луче фары мертвым холодным светом вспыхивали дорожные знаки. По всем канонам жанра дорогу сейчас должна загородить машина с погашенными фарами, и из нее ползут хмурые асоциальные типы с ручными пулеметами наперевес. Эх, если бы...

Вот и памятник. Лев распростерся на вершине горы, уронив косматую голову на правую лапу, а под левой смутно различалась рукоять меча – я знал, что он

сломан.

Лет семьсот назад рыцари графа Раймонда Гервенского убили здесь Ралона, бывшего бочара, поднявшего восстание и провозглашенного королем. Одно из стародавних восстаний против злого короля, обманываемого несправедливыми советниками. Восстание, обреченное на поражение неумолимыми законами развития общества, о чем его участники, разумеется, и подозревать не могли. Насколько я помнил, все протекало весьма стандартно – король воевал где-то далеко, и восставшие вырезали небольшой гарнизон города, спалили замки наиболее ненавистных окрестных сеньоров и решили, что все кончено. Что касается графа Гервенского, то этот хитрый лис не растерялся и не заперся в замке, сообразив, что людей и припасов у него мало, а к неприступным замкам его Гервен, безусловно, не относится. Посему он торжественно и принародно присягнул королю Ралону, снискал его доверие, был им возведен в герцоги и через неделю удостоился чести сопровождать Ралона в соседний город, примкнувший к восстанию. Двадцать вассалов графа скрытно поехали следом и догнали кортеж на этом самом месте... Настоящий король, испугавшись, срочно заключил невыгодный для себя мир и повернул рыцарскую конницу на восставших. Все кончилось через три дня. И получило неожиданное продолжение через семьсот лет. Так уж случилось, что город не мог похвастаться знаменитыми земляками. Родившиеся в других местах великие люди, равно как и эпохальные исторические события, обошли город стороной. Но отцам города хотелось иметь красивый памятник, который можно показывать туристам, сделать символом вроде Русалочки, Сирены, Медного всадника и Эйфелевой башни. Вот олдермены и не придумали в свое время ничего лучшего, кроме как скопировать знаменитый швейцарский монумент, поставленный сложившим головы за пределами Гельветии ландскнехтам.

Мы стояли у каменного зверя, накрытые его тенью, и молчали. Удачный повод для глубокомысленных рассуждений о том, что все относительно, а мир наш полон парадоксов – бедняга Ралон, возмутитель спокойствия, спустя столетия после смерти удостоился памятника, а граф Гервенский всего через полгода после убийства им народного короля впутался в заговор недовольной усилением централизованной власти знати, каковую знать миропомазанный король быстренько развесил на воротах фамильных замков.

– Жаль, – сказала Алиса.

– Кого? Или что?

– Короля Ралона.

Я буркнул что-то в том смысле, что законы развития общества – вещь упрямая, на кривой козе не объедешь...

– Господи, я не потому. Ралон был молодой и красивый. Жаль.

– Вы что, его видели? – пошутил я. – В мемуарах де Шалонтре о возрасте Ралона ничего не сказано...

– Разумеется, видела, – сказала Алиса. – Иначе откуда бы я знала, что он был молодой и красивый?

– У вас собственная машина времени?

– Не верите?

– Нет, я ужасный рационалист. Верю только тому, что вижу своими глазами.

– Прекрасно. Тогда подойдите.

– Куда?

– Вот сюда, – сказала Алиса, взяла меня за рукав и потащила к памятнику. В лунном свете львиные глаза мерцали как-то загадочно, я нагнулся и рассмотрел, что они не мраморные, как следовало бы. Стеклянные, похоже. Черная точка зрачка, кружево радужной оболочки. Обычно у статуй не бывает таких глаз.

– Откуда у него такие глазищи? – спросил я.

– Не знаю, не знаю... – быстро прошептала Алиса, пригибая мою голову поближе к львиной. – Просто в один прекрасный день взяли и стали вот такими. Ниже нагибайся, ниже. Смотри ему в глаза и думай про короля Ралона. Про него самого, про то, как его убили. Про то, что хочешь его увидеть. Про время.

Я так и не успел убрать с губ скептическую ухмылку.

Вокруг был ясный день, светило солнце, блестело море. На месте города появился другой, раз в десять меньше, крохотный городок со средневековой гравюры – мощные, на совесть сработанные зубчатые стены, из-за стен виднеются шпили и острые высокие крыши, словно пучок стрел в колчане. У пристани несколько кораблей со спущенными парусами. Я стоял на том же самом месте (только гора была гораздо круче, не сглажена временем) и смотрел сверху на город, каким он был семьсот лет назад. Впрочем, меня не было в летнем дне. Там был только... черт, как сказать? Там был только мой взгляд, а ноги по-прежнему ощущали мраморный постамент, но своего тела я не видел.

Слева, метрах в десяти от меня, появились всадники. Кони шли шагом, я не слышал стука копыт и разговора, хотя губы седоков шевелились. Продолжая разговор, двое остановились буквально рядом со мной и смотрели вниз, на город. За их спинами почтительно молчали телохранители.

Нетрудно определить, кто есть кто. Алиса оказалась права. Король Ралон был рослым красивым малым лет тридцати, одет богато, пышно даже, но сразу видно, что к этой роскоши он не привык. И в седле сидел несколько неуклюже. Не то что его собеседник, лет сорока, с умным, холеным лицом, довольно приятным.

Король что-то сказал, улыбаясь и показывая на город. Он не успел даже понять, что его убили...

Роли, несомненно, были распределены заранее. Здоровенный детина, заросший до глаз рыжей бородищей, внезапно по не замеченному мной знаку обрушил секиру на непокрытую голову короля Ралона (я на миг зажмурился). Беззвучно скрестились мечи и боевые топоры, королевские телохранители один за другим вылетали из седел, и когда появились десятка два конников в одежде с гербами графа, им почти не пришлось ничего делать.

Я выпрямился, окунулся во мрак, снова увидел свое тело, распростертого над обломком меча каменного льва и кроваво-красные росчерки метеоритов над городом. Беззвучное прошлое растаяло.

– Теперь веришь? – спросила Алиса.

- Теперь верю, - сказал я. - Потому что...

Пришла мысль, от которой стало холодно.

Едва речь пойдет о прошлом, почему-то прежде всего под этим мы, страдая своеобразной дальностью, понимаем давние века, старинные времена. Однако прошлое - это и то, что случилось сутки, час, минуту назад...

Я опустился на колени, встретился взглядом с застывшими глазами льва-оборотня. Сосредоточиться. Думать о человеке, которого никто не видел мертвым - кроме тех, кто его убил. А мы так и не нашли тех, кто его убил...

Полгода назад майор Дарин из «Гаммы» не вернулся с задания, исчез, растворился в воздухе на улицах трехмиллионного города, далеко отсюда, на другом континенте. До сих пор мы не знаем, что с ним случилось, где он оступился (если он оступился), как он погиб. Такое еще случается, нам противостоят не опереточные злодеи, и когда знамя покрывает пустой гроб и над пустой могилой трещит залп, злоба в тысячу раз мучительнее оттого, что она бессильна, у врага нет имени, лица и адреса...

Рослый загорелый человек сбежал по ступенькам аэровокзала и направился к стоянке машин. Все правильно. Дарина встречают те, из «Серебряного волка», они не знают его в лицо и понятия не имеют, что это не долгожданный курьер, что курьера мы аккуратно и чисто взяли в Маниле...

Зеленая «Комета» и узкое, напряженное лицо человека за рулем. Машина долго петляет по улице, выполняя классические маневры с целью выявления возможного хвоста. Повороты, перекрестки, стада лакированных автомобилей, регулировщики в белых нарукавниках, толчея, мельтешение вывесок и реклам.

Машина выезжает за черту города - видимо, резидент обожает свежий воздух. Я незримо присутствую рядом с сослуживцем и другом, одним из тех парней, о которых по высшей справедливости нельзя говорить без красивых слов, я знаю, что сейчас его убьют, но бессилён что-либо изменить. Я остаюсь зрителем, бесплотным духом. Все уже свершилось полгода назад. Спириты пламенно уверяют, что души умерших постоянно незримо присутствуют рядом с нами, видят каждое наше движение, слышат каждое наше слово. Хочется верить, что это неправда, - иначе какой пыткой было бы хвалено бессмертие души, ее

способность все видеть и все знать и полнейшее бессилие что-либо изменить...

Автоматически открывается калитка, чугунное кружево, автомобиль тормозит у белой виллы, двое поднимаются на крыльцо, и я бесшумно иду следом, и вот уже Дарин с непроницаемым лицом идет навстречу осанистому типу в золотом пенсне. И падает на ковер лицом вниз. Тип в золотом пенсне недоуменно и растерянно оглядывается – он явно такого не ожидал. Из-за портьера появляется человек с пистолетом, и уж его-то я знаю как облупленного – Гелленталь, он же Серый Антихрист. Теперь мне все ясно – где был прокол, кто недоучел и что. Значит, вот так. Гелленталь. Бывший майор военной разведки одного маленького, но чрезвычайно воинственного государства в те времена, когда еще существовали национальные армии и разведки. Теперь притворяется мирным рантье и притворяется, надо отдать ему должное, чрезвычайно непробиваемо. До сих пор мы так и не смогли доказать, что Гелленталь и Серый Антихрист – одно и то же лицо. Теперь другое дело. Виллу эту мы найдем. Трупы в подвале выкопаем. Перевернем все вверх дном, найдем отпечатки пальцев, свидетелей, теперь мы твердо знаем, что Гелленталь там был, и будем танцевать от этой печки. Гелленталь сейчас в Мехико, беззаботно глазееет на старинные здания и покупает поддельные антики – ну что ж, пусть пока погуляет...

Стоп, стоп. Что же, я поверил, будто передо мной машина времени? Может быть, все это обман. Может быть, Алиса владеет гипнозом. Впрочем, проверить нетрудно...

– Некоторые очень пугаются, – сказала Алиса. – А у тебя крепкие нервы.

– Есть немного, – сказал я.

Она стояла, сунув руки в карманы курточки, легонько покачиваясь с пятки на носок. Сколько людей до меня смотрели в глаза этому льву и что они заказывали?

Если это не гипноз, следовало бы окружить памятник танками... Многие дали бы отрубить себе руку, лишь бы узнать, какие бумаги просматривали и что делали в недалеком прошлом некоторые мои коллеги, – прошлое означает и то, что произошло минуту назад... А ревнивые мужья, мелкие жулики, желающие подсмотреть код сейфа, нечистоплотные бизнесмены и просто грязные типы,

которых манит соседская спальня? Но если это всего-навсего гипноз, каким дураком я буду выглядеть, потребовав охранять памятник? Черт возьми, неужели начались порожденные здешними чудесами дилеммы? Зябко стало от такой мысли.

Меня тянуло спрашивать и допрашивать, но я молчал. Успеется. Выпрямился, глубоко вдохнул прохладный ночной воздух, посмотрел в сторону моря. Небо в эту ночь было чистое, звездное, сверкали огни города, над ними металась алая росчерки метеоритов, а над метеоритами...

Над метеоритами, над городом стояла радуга, пронзительно чистое семицветье. Одним концом она упиралась в искристо поблескивающее море, второй терялся в мельтешении городских огней. Самая настоящая радуга, на полнеба. Самая красивая и яркая из всех, какие я видел в своей жизни.

Над радугой висела луна, огромная, круглая, пухлая, в темных пятнах безводных морей. Зеленая луна. Цвета весенней травы, молодой листвы, драгоценного камня изумруда и девичьих глаз. Луна, которой не положено быть такого цвета. Луна может быть белой, желтой, иногда красной, но никогда – зеленой.

Что могло уверить меня в том, что я не сплю и не сошел с ума?

Успокоила трезвая и спокойная мысль – они начинали точно так же, Некер и Лонер. Они тоже в свое время столкнулись с чем-то необычным, не лезущим ни в какие рамки, лежащим на грани ирреальности (хотя кто ее определит, эту грань?). Они тоже должны были ощутить растерянность и боязнь за свой рассудок. Может быть, они чересчур испугались за свой рассудок и оттого утратили его? Так что мне следует ничему не удивляться. Помнить, что я нахожусь в Стране чудес, и вести себя соответственно. Повстречается гном или призрак – не креститься, не бежать к психиатру, а достать магнитофон и снять допрос.

– Испугался? – спросила Алиса с интересом.

Я вразвалочку подошел к ней, взял за плечи и заглянул в глаза. Она преспокойно улыбалась.

– Ну? – спросил я.

- Вообще-то мне мама не разрешает целоваться с незнакомыми мужчинами...

- Приятно видеть, что еще встречаются девушки, свято следующие родительским заветам, - сказал я. - Это меня умиляет, я сентиментален... Не передергивай, речь не о поцелуях. Ты меня специально сюда притащила? Попугать?

- Вовсе я тебя не пугала. Развлекала, как могла. Журналисты обязаны любить необычное, не правда ли? Ты доволен?

- Еще как.

- Прекрасно, - сказала она. - Поздно уже. Поехали?

Я посмотрел на радугу и зеленую луну, фантастическим орденom на диковинной ленте сиявшие в исцарапанном метеорами небе. Надо будет спросить о них Зипперлейна. В отчете Лонера ни о чем подобном нет ни слова. Впрочем, язык не поворачивается именовать отчетом этот коктейль из первобытных страхов и мазохистских заверений в собственном бессилии. Отчета Некера у нас нет, и вряд ли мы его когда-нибудь получим. У нас есть только я, а у меня пока что ничего нет...

Мы мчались по ночному городу.

- Отвезти тебя домой? - прокричала Алиса.

- Поезжай к себе, - ответил я. - Я тебя провожу как бы. В лучших традициях.

Не стоило, разумеется, уточнять, что мне нужно было узнать ее адрес. Вскоре мотороллер остановился у одноэтажного дома, стоявшего в маленьком саду.

- Ну, прощаемся? - сказала Алиса. - Если захочешь новых чудес, рада буду послужить мировой журналистике.

- Послушай, а как ты сама оцениваешь эти чудеса и что о них думаешь?

– Интервьюируешь?

– Конечно.

– Видишь ли, мне не нужно о них раздумывать, – сказала она. – Потому что у меня есть знакомый, который знает все.

– Для меня это просто клад, – сказал я беспечно. – Познакомишь?

– Если хочешь.

– Ну, журналист я или нет! Это, часом, не Герон? Мне говорили, будто Герон все знает.

– Никогда о таком не слышала, – сказала Алиса (что было вполне естественно, так как Герона я выдумал только что). – Моего знакомого зовут Регар. Даниэль Регар. Слышал?

– Нет.

– Я тебя познакомлю. Позвоню тебе. До завтра.

Она открыла калитку, завела мотороллер во двор и покатила его к маленькому гаражу в глубине сада. Из-за кустов вышла большая спокойная собака, покосилась на меня, рыкнула для порядка и пошла следом за Алисой, махая хвостом.

Собака ее знает. Гараж она открыла своим ключом. Похоже, она здесь действительно живет. Так что можно отправляться восвояси.

И я пошел прочь. Итак, девочка из очень приличной семьи, которая довольно неискусно подставилась мне (девочка, а не семья) и привела к памятнику. Кому-то нужно было, чтобы я осмотрел памятник? Кто-то ненавязчиво хотел облегчить мне знакомство со здешними чудесами?

Другого объяснения нет. Незвестный... нет, не доброжелатель, гид. Так оно вернее. И... ни капли случайности. Весь мой опыт протестует против попытки

записать это знакомство в случайные. У меня есть кое-какой опыт, а у милой девочки Алисы его нет, и играть она не умеет. А самую большую промашку допустила только что – сказала, что позвонит мне, но я-то не давал адреса ей и телефона, словом не обмолвился. Значит, они меня уже ведут. Быть может, с первой минуты. Но кого представляет милая девочка Алиса? А кого, интересно знать, представляет Регар?

Главный почтамт, как ему и полагалось, работал круглосуточно. Клиентов, правда, немного, а в телетайпном зале и вовсе ни одного. Телетайпная связь старомодна и архаична, безусловно, проигрывает многим другим, бог знает почему вообще сохранилась (ходят слухи, что по просьбам обществ любителей старины). Однако она имеет одно несомненное достоинство, за которое ее и любят такие, как я, – возможность совершенно легально вести кодированные разговоры с помощью одного-единственного рядка клавиатуры телетайпа – верхнего, где цифры...

Я потревожил симпатичную девушку в голубом, откровенно скучавшую за полированным барьером, заплатил положенную сумму и получил в полное свое распоряжение маленькую кабину с элегантно хромированным аппаратом. Набрал код абонента, под которым абонент значился в телефонной книге. Потом набрал несколько других кодов, уже из числа хранившихся в суперзащищенных сейфах. Меня почти мгновенно переключили на Панту. Оперативность оперативностью, но такая поспешность означала одно – Святой Георгий не отходил от аппарата, ночевал в кабинете. Ждал моего звонка.

– Можешь что-нибудь сообщить? – перевел я на нормальный человеческий язык россыпь пятизначных чисел.

– Некер в депрессии. Вышел из игры. Причины неизвестны. Что предпринять?

– Ничего. Им займутся. Что еще?

– Случайно получил данные о Дарине...

Я сообщил ему все, что видел, разумеется, не упомянув, при каких обстоятельствах видел это. Попросил только проверить все побыстрее.

Естественно, последовал вопрос:

- Откуда ты это узнал?

- Не могу сказать, - ответил я. - Прошу проверить как можно быстрее. От результатов проверки зависит многое.

- Ты не находишь, что все это несколько странно?

- Нахожу, - ответил я. - Но ничего не поделать. Объяснять слишком долго.

Может быть, он не успокоился бы, общайся мы при помощи телефона или видефона, но пятизначные числа как-то не располагали к эмоциональной дискуссии, чему я был только рад...

Унывать рано, успокаивал я себя, направляя стопы к дому Анны. Дела идут более-менее гладко, загадки пока не такие уж пугающие, у окружающих не торчат из штанин копыта и серой от них не пахнет, и на Регара меня аккуратно вывели по его собственной инициативе, и я вспомнил, в каких случаях возможна лунная радуга - редкое, но отнюдь не мистическое природное явление. Лунная радуга возникает при определенной степени насыщенности атмосферы водяными парами и соблюдении еще каких-то условий, которых я не помню досконально. У меня есть даже соображения по поводу зеленой луны, фантастические, если выдвигать их в отрыве от совокупности здешних странностей, но вполне уместные в Стране Чудес. Я работаю, активно шевелю тренированными мозгами. Вот только Некер, Некер...

Благополучно добираюсь до дома, никого не потревожив, проскальзываю к себе в комнату. Пистолет и все прочее на месте.

Ночью снится всякая галиматья.

День второй

В комнате, оказывается, установлен модный лет десять назад будильник «солнечный зайчик». Система из нескольких зеркалец, настроенная на

определенный час, отбрасывает на лицо спящего солнечные лучи, а небо сегодня ясное, и я вскакиваю в половине восьмого – кто-то, мне кажется, нежно гладит по лицу теплой ладошкой. Спросонья мерещится, что это Сильвия, но потом я соображаю, что никакой Сильвии тут нет, и мне становится грустно, настроение безвозвратно испорчено – то есть стало рабочим. Включаю электробритву и телевизор, чтобы послушать новости.

Новости стандартные, обычный набор событий уверенного в своем будущем человечества. Где-то торжественно открылся чемпионат мира по шахматам, где-то закончился конгресс гляциологов. Один космический корабль вернулся от Урана, другой стартовал к Сатурну. Одну научную теорию подтвердили экспериментально, другую опровергли. Фанатичный изобретатель машины времени Андрес Лазарро с превеликим трудом спасен пожарными из-под обломков очередной взорвавшейся модели, но бодр и надежды не теряет. В окрестностях Манаоса студенты наблюдали летающую тарелку.

О городе, где я сейчас нахожусь, упоминают единожды – в связи с открывающимся здесь всемирным фестивалем фантастических фильмов. Любопытно, кто придумал провести его здесь – оптимист или любитель черного юмора?

Я убрал бритву, выключил телевизор и увидел сверток – маленький, не больше пачки сигарет, он лежал на столе. Видимо, Анна положила его на стол вчера вечером, а свет я не включал и потому его, естественно, не увидел. Сверток прикрывал записку.

«Господин Гарт! Час назад мне принесли пакет для вас, принес человек, которого я хорошо знаю, он ближайший помощник комиссара Зипперлейна. Не знаю, когда вы вернетесь, поэтому не оставляю его у себя, а кладу вам на стол. А.».

Я развернул плотную бумагу. Внутри лежали два пакетика поменьше, на одном написано размашистым почерком Некера: «Послушай сразу». На другом тем же почерком: «Послушай, когда дозарезу нужно будет с кем-то своим посоветоваться». И еще сложенный вчетверо лист бумаги. Гриф полицейского управления. Надлежащим образом оформленный протокол о том, что генерал-майор Некер Лео-Антуан...

Я стоял, держа на ладони маленькие, почти невесомые пакетики, мир вокруг был серым, холодным и пустым. Вот и все. Детки. Детишки. Ретцелькинды. Мальчики-девочки, косички, плюшевые медведики, губки в шоколаде, а генерал-майор Некер Лео-Антуан выстрелил себе в голову из табельного оружия, пистолета «Эльман-Лонг-11,2», и эти пакетики – все, что от него осталось, от него и его последнего задания, которое он провалил вполне сознательно и бежал туда, откуда его не вернуть даже нам. Даже если бы я его вчера вырубил и сдал врачам, ЭТО уже сидело в нем тикающей миной... Будь проклят этот город со всеми его чудесами...

Немного успокоившись, я достал из чемодана маленький магнитофон и вставил кассету, которую Некер просил послушать сразу. Медлил, боялся разрушить что-то большое и важное, как будто оно еще не разрушено этими двумя смертями... Наконец решившись, придавил кнопку, как паука.

Несколько секунд слышалось шипение, потом раздался спокойный, четкий голос Некера – так он говорил, прохаживаясь перед рядами курсантов в аудитории.

– Прощай, Антон, – сказал Некер, и я сгорбился над столом, сжав виски ладонями. – Я не испугался и не выдохся. Я просто не смог принять решение. Я стою посередине и не могу сделать шаг в ту или иную сторону – я намеренно не говорю «черное и белое», «доброе и злое», чтобы не вызвать у тебя ассоциаций со старым, хорошо известным. Ситуация качественно новая, и ни один старый термин не подходит. Ты думаешь, обтекаемые слова, общие фразы? (Я машинально кивнул, не поднимая глаз, словно передо мной сидел живой и здоровый Роланд.) Извини, так надо. Я не хочу влиять на твой выбор и твой поступок – а ты обязан будешь сделать выбор. Скоро ты все откроешь сам. Никаких особенных секретов здесь нет. Отправных точек у тебя две. Регар и проект «Гаммельн». По поводу проекта побеседуй с мэром и его командой. Адрес Регара – в телефонной книге. Все. Прощай.

– Прощай, – сказал я вслух. У генерала Некера, как у многих, оказался билет в один конец, только в отличие от многих он сам купил именно такой... Пленка шуршала и шипела, ее оставалось больше половины в кассете, но я сидел и слушал это шуршанье. Когда пленка кончилась, выключил магнитофон, надел пиджак и вышел из комнаты.

– Адам? – раздался за моей спиной голос Анны. – Вы что, только сейчас пришли?

- Нет. Ночью.

- Господи, я думала, с вами что-то случилось...

- Ну что со мной может случиться?

- Да на вас же лица нет... - сказала она. - Пойдемте. Проходите, садитесь. Выпейте. И не думайте, что я ничего не понимаю. Я многое могу понять. Зипперлейн вам не рассказывал про моего мужа?

- Нет, - осторожно сказал я, принял от нее бокал и сделал изрядный глоток. - Кто он был?

- Он работал в отделе Зипперлейна. Погиб два года назад. Иногда он возвращался ночью таким же... Что у вас стряслось?

- Так, неурядицы... Ваш сын дома?

- Нет. Где он, я не знаю. Это страшно, но впечатление такое, что мы им больше не нужны.

- А вам не представлялось случая услышать, о чем они говорят между собой?

- Они стараются, чтобы таких случаев нам не представилось.

- Эта змея... - сказал я.

- Ну да, она жила в саду месяца два.

- В саду? - искренне удивился я. - И вы...

- А что я могла сделать? Он мне сказал... свысока так посмотрел и сказал, чтобы я не боялась, что она не укусит и не заползет в дом. В самом деле, я ее почти не видела. Говорят, ОНИ очень любят животных. Всех.

– И кошек, и собак, и людей... – сказал я. – А книги они читают? Что вы можете сказать об уровне их знаний?

– Поймите вы! – почти выкрикнула она. – Хорошо, если я с ним раз в неделю переброшусь двумя словами!

– Простите. Ради бога, простите. Но ситуация... А что еще, кроме любви к животным?

– Рассказывают разное. Будто у них есть в окрестностях города места, куда они летают на свои сборища. Летают по воздуху. Будто они сами могут превращаться в животных.

– И передвигать взглядом предметы?

Об этом было упомянуто в докладе Лонера. Правда, сам он этого не видел – кто-то рассказал.

– И передвигать предметы, – кивнула Анна, ничуть не удивившись. – И становиться невидимыми. И будто бы они не наши дети, а подменыши, которых нам подсунул дьявол или эриданцы. Если бы вы знали, сколько слухов и рассказней ходит по городу... Расспросите вашу блондинку.

– Ого, – сказал я. – Которую?

– Ту, с которой вы были в «Волшебном колодце». Вас там видел один мой знакомый.

– А что блондинка?

– Говорят, что она имеет какое-то отношение к здешнему... к здешним чудесам. Некоторые ее боятся.

– Значит, к чудесам имеют отношение и взрослые?

– Говорят... Это подруга Регара, есть такой астроном, о нем тоже говорят разное, особенно после случая с Харелом Тампом – они были друзьями...

– А кто такой Харел Тамп? Ну-ка расскажите!

– Жутковатая история...

История действительно была жутковатая. Харел Тамп, инженер-электронщик, знакомый знакомых Анны, спокойный, веселый и уравновешенный человек, позавчера застрелил свою беременную жену, в которой души не чаял. Абсолютно немотивированное убийство, и по городу со скоростью верхового лесного пожара пронеслись идиотские и жуткие слухи, которые Анна даже пересказывать не хочет. Тамп содержится в местной тюрьме, идет следствие, опять-таки обросшее вымыслами...

Это хорошо, что в местной тюрьме, подумал я. Нужно немедленно его увидеть. Лучше ошибиться, чем проморгать. Убита беременная. Беременность – это ребенок, а дети... Все, что связано в этом городе с детьми, пусть даже не родившимися, заслуживает внимания. Правил игры нет, я волен устанавливать их себе сам. И все тут. И пусть я потом буду выглядеть дураком...

Я тут же позвонил Зипперлейну из своей комнаты. Моя просьба насчет тюрьмы особенного восторга у него не вызвала, скорее наоборот, он немного обиженно напомнил, что от него требовали соблюдать полнейшую секретность, а о какой секретности может идти речь, если я собственной персоной заявлюсь в тюрьму? Я постарался объяснить ему деликатно, что старше его по званию, обладаю определенными полномочиями, а обстоятельства и условия игры могут меняться, и я уверен, что это как раз тот случай...

Он согласился. Что ему оставалось? После короткого раздумья я вставил обойму и сунул пистолет в карман. Вышел из комнаты, из дома, из сада, пошел по тихим, по шумным улицам. Настроение было сквернейшее. Мне не привыкать терять друзей, но гибель Лонера и Некера случилась словно бы не по правилам, она была неправильная, стояла особняком от всего, что до сих пор скрывалось за стандартными формулировками «погиб при исполнении служебных обязанностей»...

Вскоре я вышел к условленному месту и увидел голубую малолитражку Зипперлейна.

– Итак, комиссар? – спросил я, усевшись рядом с ним. В профиль он еще больше напоминал печального коршуна.

– Мы едем в тюрьму, – обнадежил он. – Надеюсь, у вас серьезные основания нарушать правила игры?

– Как бы нам вообще не пришлось отказаться от правил игры, – сказал я. – Под личиной дурачка-репортера я много не наработаю (я не сказал ему, что и так уже раскрыт). Нет, я не собираюсь вешать на грудь табличку со своей фамилией и должностью, но что-то нужно менять... Как вы расцениваете историю с Тампом?

– Обычная житейская драма.

– Речь идет о ребенке, пусть и не рожденном, а дети...

– Пустяки, – сказал он. Слишком поспешно сказал.

– И это позиция полицейского офицера? – спросил я. – Абсолютно не мотивированное убийство, а это всегда странно...

– Как вы поступите, если окажетесь перед глухой стеной, которую невозможно обойти или взорвать?

– Поищу калитку, – сказал я.

– А если калитки нет? Мы здесь стоим перед стеной, давно разбили о нее кулаки, а кое-кто и головы...

– Понятно, – сказал я. – Вы признаетесь, что увидели в случае с Тампом Нечто, но боитесь, что окажетесь бессильны что-либо выяснить... Что он говорил на допросах?

– Орал, чтобы его повесили... Вот, возьмите. Сделали специально для тюрьмы.

Он положил мне на колени бордовое удостоверение криминальной полиции, украшенное моей фотографией, заверенной двумя печатями. Очередная

вымышленная фамилия в сочетании со званием старшего инспектора.

– Комиссар, что вы знаете о проекте «Гаммельн»?

– То же, что и все, – сказал он.

– То есть?

– Знаете что, поговорите вы об этом с мэром. Родилась эта светлая идея в его аппарате, они сами запрягли ученых и курировали всю работу до завершения проекта. Разумеется, в контакте с вашей Коллегией, как вы знаете.

Я ничегошеньки не знал, но не рассказывать же комиссару, что мне всего лишь подсунули альбом газетных вырезок о чудесах города и краткое изложение ученых дискуссий. Я и понятия не имел, что существуют некие проекты. Честно говоря, с таким я еще не сталкивался. Скрывать от офицера моего ранга материалы, касающиеся операции, которую ему предстоит отработать, – нечто ненормальное. Значит, у Святого Георгия были на то свои причины...

Зипперлейн тормозит перед железными воротами, и створки начинают медленно раздвигаться. Тюрьма выглядит как все тюрьмы, к сожалению, сохранившиеся еще на планете, – угрюмые здания с зарешеченными окошечками и вовсе без окон, ни клочка живой земли, сплошной бетон и асфальт, спирали проволоки по гребню высоких стен, сторожевые вышки.

Мы сдали на контроле оружие и направились к главному корпусу, эскортируемые сержантом в голубой униформе. Из вольера на нас залаяли здоровенные овчарки. Каждый раз испытываю досадный стыд и мучительную неловкость, шагая по этим коридорам. Немало народу попало сюда в результате моих трудов, но от этого не легче – всегда кажется, что мы работаем плохо, что все, кому надлежит здесь сидеть, еще сюда не попали...

У входа сержант препоручил нас молодому лейтенанту. Тот провел нас по длинному коридору с нумерованными дверями, мы миновали три препятствия в виде глухих решеток – при каждой имелся надзиратель со связкой магнитных ключей и «Штарком» через плечо, – спустились в полуподвал и вошли в маленькую комнатку с прикрепленными к полу столом и табуретками. Лейтенант жестом пригласил нас сесть, четко козырнул и вышел.

– Вам обязательно нужно, чтобы я присутствовал? – недовольно спросил Зипперлейн.

– Вы же печетесь о секретности, – сказал я. – Посудите сами: какой-то инспектор остался с подследственным, а комиссар ждет под дверью. Несуразица, а?

Он не нашел, что ответить, присел и зябко поежился. Ничего, подумал я. Происходящие вокруг чудеса – еще не основание для того, чтобы опускать руки и жаждать отставки...

Ввели подследственного. Мужчина несколькими годами старше меня, светловолосый, с аккуратной шкиперской бородкой. При других обстоятельствах производил бы впечатление приятного, обаятельного человека, души компании, хорошего семьянина и любящего мужа – каким он и был до недавнего времени, судя по досье...

– Садитесь, – сказал я ему. – Конвой свободен.

Зипперлейн откинулся к стене и прикрыл глаза – ах ты, сукин кот с тридцатилетним стажем...

– Садитесь, – повторил я. – Курите?

Он сел, положил на стол большие сильные руки и с гримасой принял от меня сигарету:

– Как в кино... Кто вы такой? Все вроде записали...

– Инспектор, – сказал я. – Хочу задать вам несколько вопросов.

Глаза у него были не просто отрешенные – какая-то немислимая пустота, не отражавшая ни света, ни меня, склонившегося к нему, ничего.

– Какие могут быть вопросы? – сказал он. – Я во всем сознался, я психически нормален и требую, чтобы меня повесили.

– За что вы убили свою жену?

– Подите вы! – Он отвернулся.

Я встал, обошел стол и навис над ним, вплотную к нему:

– Тамп, что произошло с вашим будущим ребенком? (Он вздрогнул и сгорбился еще больше, и я понял, что взял след.) Что случилось с вашим будущим ребенком? Вы ведь ее убили из-за ребенка? Я знаю, что из-за ребенка! Ну! Тамп!

– Да при чем тут! – зло крикнул он, глядя на меня снизу вверх. – Она мне изменяла, вот что!

– Врешь, тряпка!

– Сам ты!

– Врешь, Тамп! – Я наклонился и заглянул ему в глаза. – Вы же любили друг друга, у вас все было хорошо! И ты еще на мертвую клеветешь, дешевка такая? Слюнтяй, баба! В петлю захотел? Так не будет петли! Получишь двадцатник, останешься наедине с собой, столько будет времени подумать – башку об стену расшибешь! Не будет петли! В лепешку разобьюсь, а добьюсь, чтобы петли не было! Жить будешь и мучиться, тряпка! Ну? Что было с ребенком? Ты ведь ее из-за ребенка убил!

Он закричал что-то непечатное в мой адрес и попытался встать, но я изо всех сил прижимал ему плечи и орал в лицо – провоцировал на истерику, на крик, чтобы он не выдержал, сорвался и в запальчивости выложил хоть что-то. Мы, раскрасневшись, орали друг на друга, комната наполнилась гулким эхом, кто-то в форме встревоженно просунулся в дверь, но я рывкнул на него так, что его словно ветром выдуло, и мы снова орали что-то, уже абсолютно бессмысленное – я должен был переломить его, переупрямить, пересилить, расколоть, и вдруг, когда мы одновременно замолчали, чтобы глотнуть воздуха, прозвучал тихий голос Зипперлейна:

– Адам, оставьте вы насчет ребенка. Она в тот день сделала аборт, мы вчера выяснили...

Отдуваясь, я плюхнулся на табурет и непослушными пальцами стал выковыривать сигарету из пачки, а Тамп уронил голову на стол, и его плечи затряслись.

- Комиссар... - сказал я.

Он тихонько выскользнул за дверь - как мне показалось, с огромным облегчением.

- Уйдите вы... - тихонько сказал Тамп, не поднимая головы.

- Не могу, - сказал я. - Не имею права. Поймите вы, я приехал сюда выяснить, что происходит с детьми и во что это может вылиться. Вы перенесли тяжелую утрату, я понимаю. Мне приходилось не единожды хоронить близких людей... Тамп, это ведь не только ваше горе. Завтра в таком же положении может оказаться кто-то другой, мы могли бы это предотвратить, если бы знали заранее, и потому вы не должны молчать. Простите за банальности, но вы должны... Неужели вам настолько все равно? Ведь кто-то будет следующим...

- Кто вы такой? - спросил он, к моей радости, почти нормальным голосом.

- Полковник Кропачев, Международная служба безопасности. Отдел кризисных ситуаций. Слышали, что это такое? Теперь понимаете? Неужели думаете, я пострадал, пусть теперь и другие помучаются? Если так, вы подлец, простите, подонок... Я не глажу вас по головке, да. У меня нет времени на дипломатию, нет времени быть добрым. Над городом висит беда. Что у вас вышло с женой?

- Вряд ли вы поймете, а если поймете, не поверите.

- Я уже успел понять, что здесь следует верить всему. Так что рассказывайте. Правду и внятно.

- Это началось с первых недель беременности, - тихо начал он. - Анита... Суть... Суть в том, что ребенок начал осознавать себя как личность и беседовать с матерью. Телепатически.

- Что?!

- Вот именно... Учтите, я мало что знаю, она рассказывала об этом неохотно и невразумительно, каждое слово приходилось клещами вытягивать. Плохо спала, плакала, жаловалась, что не выдержит этого ужаса.

- Но могло...

- Нет, - сказал он. - Психиатр у нее ничего не нашел. Думаете, я сразу не подумал? И еще... Ребенок... он говорил с ней и обо мне и при этом приводил такие факты из жизни моих отца и деда, о которых Анита никак не могла знать. Это к нему могло попасть только от меня. Наследственная память, очевидно. Генетическая. Вот так... А она кричала, что не выдержит этого ужаса...

- Почему ужаса? - спросил я довольно глупо.

- Ну, нам с вами никогда не приходилось быть беременными, так что представить ее ощущения и страхи мы не сможем.

- Резонно, - сказал я. - А вы? Вы тоже считали, что это ужас?

- Нет. Может быть, потому, что я наблюдал все со стороны, и мне, сами понимаете, было легче. Я категорически запретил ей делать аборт - когито, эрго... Он уже мыслил, он осознавал себя как личность, можете вы это понять? Я запретил. Она сделала. На меня что-то нашло, не мог совладать с собой... Я охотник, у меня был нарезной карабин...

- Получается, что она хладнокровно совершила убийство, вот ведь что, - сказал я. - Убийство мыслящего существа. Так ведь выходит?

- Да. Но и я совершил убийство. Разница только в том, что мое преступление предусмотрено Уголовным кодексом, а ее преступление - нет...

- Ваш случай единственный, других не было?

- Не знаю.

- Кто такой Даниэль Регар?

– Не знаю, – сказал он, и я понял, что доверительный разговор кончился, что пошла ложь. И позвал: – Зипперлейн!

Зипперлейн вошел и хмуро спросил:

– Вы закончили?

– Кажется, да.

– Можно в таком случае задать вопрос? Тамп, что вы думаете об исчезновении трупа вашей жены?

– Что? – в один голос спросили мы с Тампом.

– Труп исчез из морга сегодня ночью, – сказал Зипперлейн. – Вот так...

– Ничего я не думаю, – сказал Тамп, и его лицо окаменело. – Лично у меня непробиваемое алиби – я сидел в камере...

Зипперлейн крикнул охранника. Тампа увели, комиссар двинулся было следом, но я задержал его:

– Комиссар, я сейчас напишу отношение... Тампа нужно немедленно отправить в столицу, в нашу резидентуру.

– Ох, будут хлопоты... – покачал головой Зипперлейн. – Согласно существующему порядку ваше региональное управление должно обратиться в столичный...

– К черту, – прервал я его. – Город на чрезвычайном положении, вы не забыли? Обратитесь к начальнику тюрьмы, и чтобы Тамп через час ехал в столицу, под конвоем, понятно. И еще. Честно говоря, у меня чешутся руки немедленно взять вас под стражу как лицо, злостно мешающее ходу следствия, умышленно скрывающее важные данные. Я не шучу! Я старше вас по званию, просьба не забывать, а вы в данную минуту мне подчинены. Как вы могли умолчать об аборте и исчезновении трупа?

Он посмотрел мне в глаза без всякого страха и смущения. Тихо сказал:

– Вы думаете, мы с нашими погонами и пистолетами можем стать на пути промысла Божьего?... Мы...

Распахнулась дверь, и в камеру вошел молодой человек в штатском. Вошел – не то слово. Сей ладный мускулистый парень спортивно-полицейского облика не вошел, а бесшумно вплыл, медленно проплелся от двери к нам, именно проплелся невеликое расстояние в три шага, и бледен был как смерть. Он мельком глянул на меня, подал Зипперлейну какой-то синий бланк донельзя официального вида, вопреки уставу повернулся через правое плечо и покинул камеру, балансируя по невидимой жердочке. Дверь он оставил открытой.

Зипперлейн прочитал бумагу, побледнел и ватной куклой осел на табурет.

– Что? – бросился я к нему. – Комиссар, вам плохо? Кто-нибудь, эй!

В дверь просунулась любопытная физиономия лейтенанта.

– Адам, закройте дверь, – неожиданно сильным голосом сказал Зипперлейн. – Никого не пускать! (Я захлопнул дверь перед носом лейтенанта.) Идите сюда, я вам прочитаю...

Я подошел, и он прочитал вслух, негромко, жестяным голосом робота:

– «Совершенно секретно, криминальная полиция, группа „Болид“, комиссару Зипперлейну. Час назад задержана женщина, фотографию которой мы получили в связи с вашей ориентировкой о пропаже трупа. Задержанная назвала себя Анитой Тамп, личность идентифицирована по отпечаткам пальцев и спектру голоса, идентичность сомнений не вызывает. Согласно ее показаниям муж выстрелил в нее из охотничьего карабина, больше она ничего не помнит, как попала сюда, объяснить не в состоянии. При медицинском осмотре обнаружен шрам. Не исключено, что его происхождение – выстрел в упор из огнестрельного оружия. Нарезной карабин также не исключен. Судя по состоянию шрама, выстрел был произведен самое малое полгода назад. Срочно сообщите, как поступить. Гарта просят немедленно связаться с Центром. 264/5, Клебан».

Я глянул на код – полицейское управление окружного города, миль за пятьдесят от нас.

– Вот ваш труп и нашелся, – сказал я, чувствуя странное кружение в голове. – Правда, как я понял, она уже жива... Кажется, две тысячи лет назад в Палестине случилось что-то похожее?

– Но ведь она тридцать восемь часов лежала в морге, – говорил Зипперлейн, медленно комкая бланк. – Я ее видел. Это был труп. Врачи констатировали смерть. «День гнева, Господи... Ниспошли просветление на души наши и мысли, отведи адский огонь, Боже всемилостивейший, ибо вездесущ и всевидящ еси, будь же милосерден к рабам Твоим...»

Он бормотал молитву и смотрел на меня стеклянными глазами. И что тут поделывать? В мою задачу не входит вести антирелигиозную пропаганду среди комиссаров полиции. Самому вдруг ужасно захотелось искать поддержку и опору в ком-то сильном, большом, всемогущем, способном защитить и уберечь от безумия.

Вот вам и великолепные гепарды... Один журналист, не из самых талантливых, в одном трескучем репортаже как-то окрестил нас «великолепными гепардами эпохи». Название, прямо скажем, неточное, ибо гепард знаменит стремительным бегом, а мы большую часть времени работаем скорее как ищейки, распутывая сложнейшие петли «заячьего скака». Но все равно слово многим нравилось. Великолепные гепарды. Щенки слепые...

Рука не поднялась надавать ему оплеух, хотя это и апробированный метод обрывать истерики. Я молча сидел рядом, время от времени покрикивая на возникавшего в дверях лейтенанта. Комиссар понемногу отошел, но стал чересчур уж невозмутимым и очень уж покладистым. Мы вместе отправились к начальнику тюрьмы и всего за пять минут уладили все насчет отправки Тампа в столицу. Потом Зипперлейн из кабинета начальника позвонил в секретариат мэра и предупредил о моем визите. В машине он совсем оттаял и здраво, трезво рассуждал, какой получается парадокс – ведь если жена Тампа чудесным образом воскресла, какие у нас основания держать Тампа под стражей и предъявлять ему обвинение в убийстве? Головоломный юридический казус... Как ни странно, он явно воспрянул духом и избавился от страхов. Видимо, признав происходящее Божьим промыслом, он решил, что отныне следует покорно плыть по течению. Спасибо и на том.

Вторая моя беседа с Центром была лаконичной. Меня спросили, вышел ли я на Регара. Я сказал, что вышел, но контактировать пока не собираюсь. Святой Георгий попросил сказать честно, какое у меня настроение и каково мое состояние. Я честно признался, что успел увидеть немало странных вещей, порой открыто противоречащих современной науке и пахнущих мистикой. Но остаюсь на позициях материализма и готов работать далее. Тут я не удержался и заявил, что мог бы работать, сдаётся мне, гораздо эффективнее, будь заранее проинформирован и о присутствии в городе Чавдара со своими людьми, и о сути проекта «Гаммельн». Впрочем, мне кажется, что проект этот представляет собой попытку как-то урегулировать положение. Скажем, эвакуировав отсюда детей, то бишь ретцелькиндов, – созвучие названия проекта с известной сказкой наталкивает на такие именно расшифровки...

Святой Георгий ответил, что каждый знает ровно столько, сколько ему необходимо знать в данную минуту. А завтра, в восемь часов утра, мне надлежит встретиться на площади у собора с Ксаной Монаховой. Конец связи и наилучшие пожелания.

Настроение у меня чуточку поднялось – Ксану не пошлют сюда по пустякам. Что-то у них есть, что-то изменилось, так будем бодрыми и целеустремленными, господа великолепные гепарды...

Я остановил такси и поехал в ратушу. Ратуша оказалась красным кирпичным зданием, позднейшей подделкой под Средневековье. Тем не менее она была красива. Даже свои химеры имелись на крыше, а в стену было вделано чугунное ядро, якобы угодившее сюда во времена старинной войны. На стоянке рядом с цивильными автомобилями помещался джип с эмблемой Войск ООН, в нем сидели пятеро солдат, и пулемет был развернут в сторону площади. Вот это мне очень не понравилось. Солдаты появляются возле административных зданий в преддверии серьезных событий строго определенного разряда. Что же здесь назревает?

Я расплатился с шофером и поднялся по мраморным ступеням, чувствуя на себе пристальные взгляды солдат. В большой приемной, чья аскетическая сухость несколько смягчалась произрастающей в майоликовой кадке пальмой, за полированным столом сидела милая девушка в сиреневом платье. Посетителей не было. Мертвый сезон, очевидно.

– Что вам угодно? – обаятельно улыбнулась девушка.

– Адам Гарт, обозреватель «Географического еженедельника», – улыбнулся я не менее обаятельно и подал ей визитную карточку. – Господин мэр предупрежден о моем визите.

– Простите, кем предупрежден? – Она опустила под стол правую руку – нажимала какую-то кнопку.

– Комиссаром полиции Зипперлейном.

– Простите, вы политический или научный обозреватель?

– Какое это имеет значение?

– О, никакого, – с улыбкой сказала девушка. – Просто я иначе представляла себе обозревателей.

– Более вальяжными, с благородными сединами?

– Что-то вроде того...

Игра в вопросы и ответы начала мне надоедать. Да и никакая это не игра. Девушка неумело тянула время. Интересно зачем?

Ага. С грохотом распахнулась дверь из приемной в коридор, влетели двое крепких парней в штатском, один остался у косяка и навел на меня «Штарк», второй подошел и деловым тоном предложил, поигрывая наручниками:

– Прошу сдать оружие.

Я медленно вынул «хауберк» и отдал ему. Девушка взирала на сцену разоружения с восторженным ужасом. На моих запястьях впервые в жизни защелкнулись браслеты, и меня повлекли в коридор. Я, конечно, не сопротивлялся. Вот так. В приемной, несомненно, был выявляющий оружие детектор.

Меня провели на третий этаж и втолкнули в комнату с изящной, но надежной решеткой на окне. Среди сейфов и дисплеев восседал краснолицый мужчина в

штатском.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/bushkov_aleksandr/zapiski-cheloveka-dolga-sbornik

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)